

Чудинов Сергей Иванович

ВИЗУАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В статье рассматриваются новые тенденции в публичной репрезентации и форме коммуникации с обществом современных террористических движений. Трансформация постмодернистской модели в социально-турбулентный социум привела к смене ориентации от поиска ценностей к перманентному аффицированию чувственной сферы. Террористическая пропаганда встраивается в новые правила игры: доминирование эстетического при крайней эклектике в идеологической области, визуализация экстремистского дискурса в виде полугламурных образов стали характерными чертами терроризма эпохи социальной турбулентности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 201-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 140.8; 003; 316.77

Философские науки

В статье рассматриваются новые тенденции в публичной репрезентации и форме коммуникации с обществом современных террористических движений. Трансформация постмодернистской модели в социально-турбулентный социум привела к смене ориентации от поиска ценностей к перманентному аффицированию чувственной сферы. Террористическая пропаганда встраивается в новые правила игры: доминирование эстетического при крайней эклектике в идеологической области, визуализация экстремистского дискурса в виде полугламурных образов стали характерными чертами терроризма эпохи социальной турбулентности.

Ключевые слова и фразы: семиотическая репрезентация экстремистов; коммуникативные аспекты терроризма; пропаганда «Исламского государства»; социальная турбулентность; эстетизация насилия.

Чудинов Сергей Иванович, к. филос. н., доцент

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
personally@ngs.ru

**ВИЗУАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ.

«Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект № 15-33-01310.

После событий 11 сентября немецкий политолог Херфрид Мюнклер посвятил отдельную статью терроризму, в которой описывал террористическую атаку как акт коммуникации. При этом, по мысли автора, «терроризм с религиозными мотивами» (исламистских групп) значительно отличается от более «классических» разновидностей экстремизма (социально-революционного и этнонационалистического) тем, что в его структуре как системе коммуникации «“третья заинтересованная сторона” наименее всего очерчена» [1, S. 18]. Также он отметил, что послания террористов, передаваемые через «картины терактов», становятся «полисемическими», содержащими сразу несколько сообщений, иерархия значимости среди которых не ясна, поскольку они распространяются «без авторизованного террористами субтекста». Эта неопределенность оценивается не как недостаток, а скорее как обдуманная часть стратегии террористов: «подвергшейся нападению стороне загадывают загадку и оставляют ее в неведении относительно того, достижением каких политических целей могли бы удовлетвориться нападающие» [ibidem].

Любой террористический акт действительно несет в себе коммуникативную и семиотическую составляющие, поскольку «язык» террористов выражается не только в лексике и дискурсе публичных деклараций и официальных коммюнике, но прежде всего в языке практического экстремистского действия, рассчитанного на общественный резонанс. Давно отмечена связь между особенностями стратегии террористической борьбы и перформансом, театрализацией политически значимого акта насилия и его эстетического обрамления [3]. Многозначность послания террористов может быть связана с этой особенностью их деятельности, однако, что касается исламистских экстремистских организаций, то те «полисемичность» и неопределенность коммуникативного послания терроризма, о которых говорит Мюнклер, характерны для того сегмента исламистов, который принято именовать глобальным джихадизмом (глобализированная форма исламизма). Именно последний ставит предельно масштабные задачи и потому не может удовлетвориться частичными уступками, как в случае более традиционных разновидностей террористических движений: от мира «неверия» и «власти *тагута*» (светски организованной государственности, где источниками закона являются социальная конвенция и декларируемый суверенитет нации) ожидается только полная капитуляция.

Мировоззрение глобализированных исламистов структурировано в качестве одномерного «тотализма» (термин М. Мидларски [6, p. 8]), превращающего многоплановую и многоуровневую религиозную и культурную традицию в одномерную семиотическую конструкцию, привязанную к политическим задачам. Религия превращается в семиотическую систему, состоящую из ограниченного набора ключевых понятий-идеологем.

Сингапурский исследователь Мохамед бин Али на примере салафитской версии радикального ислама (конкретней: идеологии действующий в Юго-Восточной Азии «*Джемаа аль-Исламия*») реконструировал эту идеологическую модель в пирамидальном виде: на ее вершине стоит утопическая идея (идеал «исламского государства»), в основании – характерная только для салафитов концепция «*аль-вала ва-ль-бара*» (дружбы и непричастности между мусульманами и немусульманами), между которыми расположены методы достижения высшей цели – «*джамаат*» (создание общины «истинноверующих»), «*байа*» (декларация клятвы верности *амиру* – главе джамаата), «*умма*» (воссоздание всемирной общины мусульман), «*джихад*» (вооруженная борьба с миром «неверия» ради учреждения теократической государственности) [4, p. 18]. В случае «Исламского государства» (ИГ)¹ эту модель можно расширить, включив в список базовых понятий

¹ Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

(семиотических маркеров) следующие: *джахилийя* и *куфр* («религиозное невежество» и «неверие», олицетворяющие исходное состояние мира, которое следует изменить), *хиджра* (изначально в исламе – акт переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину, а здесь эта категория отражает обязанность физического отделения от мира «неверия» и переселения на земли «возрождающегося *халифата*»), *истишхад* («мученичество»), здесь трактуемое только как гибель на поле боя или в ходе террористической атаки).

Семиотическая составляющая террористического насилия значительно изменяется в условиях мутации эпохи постмодерна (позднего модерна) в эру глобального турбулентного социума, для которой свойственны ускоренная темпоральность, разрушение связей, интегрирующих людей в большие социальные общности, неопределенность и непредсказуемость социальных процессов. Один из кардинальных сдвигов в этой области связан с новым витком развития массовой культуры и отдаленными последствиями давно произошедшего нигилистического переворота, упразднившего метафизическую модель мировосприятия, что достаточно подробно проанализировал Б. Хюбнер.

В формулировке Хюбнера суть переворота заключается в том, что «эстетический этос» заменил собой «этический этос». Этос он определяет в качестве смыслополагающего начала, отношения к тому, что для Я представляет экзистенциальную ценность [2, с. 30]. При этом ценность – это всегда Другое (отличное от Я). Она может быть конституирована в форме метафизического, параметафизического объектов или чего-то индивидуального (в виде задачи, человека, призвания) [Там же, с. 34]. Переход к господству эстетического этоса означает смену ракурса мировосприятия – от обнаружения во всем потаенного смысла бытия в сторону «этики очарования», ориентации на перманентное аффицирование «нигилистической души» новыми чувственными впечатлениями и эмоциями [Там же, с. 60]. Не имея выхода в Другое, Я, упразднившее метафизическую перспективу, депроцируется на само себя. «На место эстетики истины обязующегося, состоящего в долгу перед ДРУГИМ человека, вступает теперь эстетика воздействия, эстетика очарования никому и ничем не обязанного человека. Этически обесцененный мир обладает лишь эстетической ценностью» [Там же, с. 80].

Эта важнейшая перемена в когнитивно-ценностной сфере обусловила новые тенденции визуально-семиотической репрезентации террористами своего дела и ведения агитации. Воздействие на эстетическую составляющую восприятия социальных и политических фактов, конструирования экстремистского дискурса, облеченного в яркие клипово-визуальные образы, становится ведущей стратегией террористических групп эпохи социальной турбулентности. Эстетизация насилия, соединенная с идеологической легитимацией, всегда была опорой деятельности террористических групп, однако доминирование эстетического при крайней эклектике в идеологической области, диссоциации идеологического смысла политического действия – явление относительно новое.

В светских ультраправых и радикальных неоязыческих вариациях национализма (попытке фундирования национальной идеи на квазирелигиозной основе) эстетизация культа силы в отрыве от смыслового стержня – характерный признак современных форм экстремизма. Ведущие символы и семиотические единицы, как правило, вырваны из контекста и не имеют строго фиксированного смысла. К примеру, нацистская свастика и подобные ей символы, «сходные до степени смешения»; приветствие в виде вскинутой вверх руки – это означаемое без означающего, форма без содержания. Они не столько объективация какой-либо конкретной идеологемы, сколько воплощение мощного иррационального эстетического заряда, компенсирующего потребность причастности к силе, групповой сплоченности и идентификации с культурной традицией.

В исламистском движении данная тенденция преломилась в деятельности ИГ, которое создало целую медийную инфраструктуру для информационного и идеологического обеспечения своей военной и террористической активности. Пропаганда ИГ, нацеленная в первую очередь на *частично вестернизированных* мусульман (приобщенных к массовой культуре мигрантов и потомков мигрантов, проживающих в Европе и Северной Америке) и *возможных неофитов* из коренного населения (единичные случаи подобных рекрутов широко освещаются на медиа-ресурсах исламистов), сочетает в себе дискурс, облеченный в традиционную исламскую терминологию, с современным идеологическим призывом в форме визуальных, эстетизированных и квазигламурных образов и символики.

Таким образом, идеологический дискурс имеет двойное лицо: при обращении к западной цивилизации и частично вестернизированным мусульманам он выступает в форме эстетизированной идеологии, тогда как, обращаясь к традиционному мусульманскому Востоку, он говорит на более привычном богословско-юридическом или стилизованном языке, где смещаются акценты и реинтерпретируются смыслы (как в случае с термином «*хиджра*»). В первом случае на первое место выходит эстетика культа силы, во втором – ориентация на утверждение метафизической опоры социальности и эмфатизированного этоса в глобальном нестабильном социуме. На изменение целевой аудитории, на которую нацелен акт коммуникации, обратил внимание специалист по семиотике терроризма *M. Leone*. Он отмечает, что если Аль-Каида под руководством бин Ладена в своих официальных посланиях обращалась к арабо-говорящей мусульманской аудитории (как потенциальному союзнику), то ИГ обращается к жителям Запада не только как к целям террористической угрозы, но также как к потенциальным партнерам [5, p. 30].

Существенное изменение между формой и содержанием в идеологии экстремизма в условиях социально-турбулентных процессов в сторону повышения значения визуально-эстетической репрезентации при снижении роли доктринальной составляющей указывает на важность эстетико-семиотического измерения при реализации стратегии противодействия пропаганде экстремизма.

Список литературы

1. **Мюнклер Х.** Терроризм как стратегия коммуникации: послание 11 сентября // *Internationale Politik*. 2001. № 12. S. 18-22.
2. **Хюбнер Б.** Произвольный этос и принудительность эстетики / пер. с нем. Минск: Прописи, 2000. 152 с.
3. **Bharucha R.** *Terror and Performance*. N. Y.: Routledge, 2014. 236 p.
4. **Bin Ali M.** *The Roots of Religious Extremism: Understanding the Salafi Doctrine of Al-Wala' wal Bara'*. L.: Imperial College Press, 2016. 299 p.
5. **Leone M.** *The Semiotics of Violent Jihadist Propaganda: the Message and the Channel* // *F3 Magazine*. 2015. Issue 11. P. 29-33.
6. **Midlarsky M.** *Origins of Political Extremism*. N. Y.: Cambridge University Press, 2011. 429 p.

**VISUAL-SEMIOTIC REPRESENTATION AND COMMUNICATIVE STRATEGY
OF TERRORIST MOVEMENTS IN THE EPOCH OF SOCIAL TURBULENCE**

Chudinov Sergei Ivanovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences
personally@ngs.ru

The article considers new tendencies in public representation and the form of communication with the society of contemporary terrorist movements. Transformation of the post-modernist model into the socio-turbulent society led to the change of orientation from the search for values to permanent affecting the sensual sphere. Terrorist propaganda integrates in new rules of the game: dominance of the aesthetic at extreme eclecticism in the ideological field, visualization of extremist discourse in the form of half-glamorous images became characteristic features of terrorism of the epoch of social turbulence.

Key words and phrases: semiotic representation of extremists; communication aspects of terrorism; propaganda of “Islamic State”; social turbulence; aestheticization of violence.

УДК 141.32

Философские науки

Данная статья посвящена анализу феномена Интернета вещей в контексте онтологических оснований биополитики. Автором раскрывается технологическая сущность Интернета вещей как феномена современных информационных технологий, анализируются возможности использования Интернета вещей в рамках политических и рекламно-маркетинговых стратегий. В статье делаются выводы о «негерменевтическом» характере функционирования Интернета вещей, что отвечает современным тенденциям в самопозиционировании человека и использовании этих процессов в социально-политической практике.

Ключевые слова и фразы: Интернет вещей; биополитика; тело; телесность технологии; власть; онтология; герменевтика.

Шаев Юрий Михайлович, к. филос. н., доцент
Пятигорский государственный университет
existentia20065@yandex.ru

ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ И ОСНОВАНИЯ БИОПОЛИТИКИ

*Публикация подготовлена в рамках Гранта Президента РФ № МК-7802.2016.6
«Интернет вещей и социальная онтология».*

Интернет вещей в настоящее время проникает практически во все сферы жизни. Под Интернетом вещей (Internet of Things, IoT) понимается концепция вычислительной сети, объединяющей различные устройства – «вещи», которые могут взаимодействовать между собой, а также с внешней средой, как правило, без участия человека или с минимальным участием [8, с. 33-34]. Интернет вещей все чаще используется в промышленном производстве как в плане применения его принципов в машинах и аппаратах, так и в широком спектре логистических задач. В наши дни компоненты Интернета вещей проникают в повседневную жизнь. Здесь можно упомянуть «умные» дома, в которых реализуются принципы саморегуляции и ресурсосбережения, например, температурный принцип – при взаимодействии с окружающей средой и выборе схемы отопления или кондиционирования. Все, что связано с повседневной жизнью человека, тоже все в большей степени становится охваченным Интернетом вещей: фитнес-браслеты, следящие за частотой сердечных сокращений, передают информацию на смартфон, в котором приложения могут в режиме реального времени выстраивать оптимальную схему двигательной активности и отслеживать состояние здоровья. Можно привести в пример еще множество компонентов Интернета вещей, функционирование которых зависит от условий окружающей среды или данных, получаемых из сети Интернет. Принцип их работы напоминает принцип функционирования термостата. Еще одной важной чертой Интернета вещей является идея и практика маркирования с помощью бар-кодов, радиочастотных меток объектов самой различной природы – начиная от потребительских